

Андрей Вайда спешит на помощь

/ Виктория Белопольская

(~1) - с. 4

Открытие обрывается - 1992 - окт.

Итак, Вайда вошел в каждый дом. Таким образом, он закончился в сознании советского человека как кинорежиссер и теперь уж, боюсь, надолго займет место в галерее героев борьбы с диктатурой. Таков, по выражению самого Вайды, «пейзаж после битвы».

К личности Вайды это имеет лишь опосредованное отношение. Такое же, какое личность Вайды — к мифу о Вайде. Личность — это тот, кто прошел от «Канала» через «Барышень из Вилько» к «Хронике невероятных любовных происшествий» и «Корчаку». Миф же о Вайде — это «Человек из мрамора» и человек из мрамора, «Человек из железа» и человек из железа. В глазах советского человека из категории «интересующихся» Вайда этими двумя своими картинами бросил тоталитаризму в лицо глагол, облитый горечью и злостью. Вайда был человеком из железа, а неделю назад стал человеком из мрамора. Чего похуже мог ожидать для себя он, снявший «Все на продажу»?

Но это произошло, и задатки были: Вайда вторгся в опасную для творца зону актуального. Потому что поколенчески он произошел от двух явлений — итальянского неореализма и советского соцреализма. Неореализма с его правдой жизни ограниченной категории населения — а, значит, ограниченной правдой. И соцреализма — с его жизнью в революционном развитии.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых Вайду кино волновало меньше того, что принято называть гражданской позицией. Прав, безжалостно прав старик «Кинословарь» «...в творчестве Вайды получили развитие антисоциалистические тенденции». И развитие его неосоцреализма

Вайда был прикован к социализму цепями отрицания. Борьба — это то, что

делало кино Вайды объектом потребления — на диссидентских кухнях. Всему миру известна крылатая набоковская мысль «My style is all I have» — все что у меня есть, — мой стиль». Стиль, эстетика существования, то природное, как резус-фактор, что глубже убеждения, что не в словах — в манере их произносить.

У кино Вайды на том, заостренном в нашем восприятии и сознании этапе (чего уже не скажешь о «Хронике невероятных любовных происшествий»), эстетических, стилистических разногласий с социализмом не было. Его «Человек из мрамора», и позже «Человек из железа» были эстетически абсолютно социалистическим искусством — держались на противостоянии и отражали революционное движение. Это искусство, романтизирующее борьбу. Оно никогда не позволит герою проживать самому свою судьбу. Нет, оно непременно включит его и зрителя в общее дело борьбы за или против — чего — не так важно. Эстетически это искусство тоталитарно, только объект поклонения стал объектом боренья.

Вайда с его борьбой с бархатной диктатурой, и дружбой с Валенсой — такой Вайда стал диссидентским кичем. Кич — оптимизм, основанный на представлении о мире, где все вопросы решаются просто — упорством — и где можно выбороть свободу.

У одного мудрого китайца есть такая формула «...это эпоха жрет жизнь». У Вайды эпоха сожрала полжизни: не только в наших глазах, в глазах скорее всего целого мира Вайда — борец больше чем творец.

Вайда вошел в нашу реальность на тех же правах что и мишки Гамми и Чип с Дейлом. Канонизация Вайды в нашем сознании телевидением произошла одновременно с внедрением в наше подсознание инородной философии жизни — американской. Эти мишки и бурундуки с их консерватизмом прописных истин («первое правило медведей гамми — никогда не спорь с бабушкой»), с их бескомплексностью и главное с их психологией свободы — психологией соревнования, конечно, поселили в нас некоторую растерянность. Вайда же с его — и нашей — психологией борьбы, спешит на помощь.

Ретроспектива
фильмов

А. Вайды

Сентябрь-октябрь